

ИГОРЬ СОКОЛОВ

ЛЮБОВЬ В ЭПОХУ
НАОПЛАМЯЕТСЯ

Игорь Соколов

Любовь в эпоху инопланетян

«Издательские решения»

Соколов И. П.

Любовь в эпоху инопланетян / И. П. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741446-7

В сборник «Любовь в эпоху инопланетян» вошли эротическо-философские рассказы о любви с элементами абсурда и черного юмора.

ISBN 978-5-44-741446-7

© Соколов И. П.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь после смерти возлюбленной	6
Магическая женщина	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Любовь в эпоху инопланетян

Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2016

© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь после смерти возлюбленной

Смысл этой жизни в его отсутствии... Но я это понял не сразу...

Однажды мне пришлось пережить смерть своей возлюбленной...

Она погибла в автокатастрофе... Я не хотел жить... Но потом... стал писать песни о ней, и о своем страдании, и это меня спасло... Потом я женился, еще раз женился, было много всего, что полностью изничтожало любой смысл моего существования, но я все-равно жил... напротив... навзничь смысла...

Что я вынес из всего этого?! – Не знаю... Жизнь била меня и переворачивала как хотела, она вертела мной, и на чем бы я не заострял свой взгляд, он все-равно падал, пропадал в невероятной глубине...

И все же главное, что я вынес, это тишина и покой, которые спасали меня в лесу, когда умер мой отец... Мой отец... Мой мудрый друг... Он никогда не ударил меня за всю жизнь ни рукой, ни словом, а однажды, когда я ему сделал больно, он просто промолчал... Только глаза его чуть увлажнились и все...

Я понял, что высшее благо в призрачном отсутствии меня в этом мире... Наедине с природой, ей одной я открывал свою душу, и был чистым агнцем, и ангелом к вершинам, под свод небесный тихо, с закатом уплывал...

И в то же время я чувствовал везде присутствие своего Отца... Его Образ слился для меня с Творцом... Он был тем самым высшим существом, любившим меня бескорыстно и так глубоко, проникновенно, что даже материнская любовь, любовь не менее сильная, была чуть-чуть задвинута за край другого Бытия...

Страницы как опавшие листья... Множество страниц на одной перевернуто для тебя, чтобы ты прониклась тем самым очарованием, которое я для себя нашел в жизни... Из своей студенческой комнаты я когда-то сделал алтарь для своей мертвой возлюбленной, с одной стороны висел Брежнев с пятью звездами и безумно-отторопелым тщеславным взглядом, с другой щурилась божественная Мерилин Монро, соблазвившая своими буйными прелестями не только Америку, но и нашу Европу и Азию, а посередине над окном висела она Люба... Любовь... уже унесенная вечными снами и сложившимся от удара автомобилем...

Почему я не пришел на ее похороны?!... Наверное потому что не мог видеть ее уже холодное изуродованное тело, в котором не сохранилось ни капли живого тепла... Люди ходят на могилы, они приносят туда свою память о тех, кого с ними нет... Но что принесу я?! – Свою память, но разве эта память докричится до ее холодных останков?! – Она была безумно красива, ее глаза светились радостью жизни...

Ее великолепное тело вбирало меня своей чудесной глубиной, и в ее горячем чреве моя душа билась как пойманная рыбка... Я целовал ее везде... Я целовал мочку уха, неожиданно хватался губами за упругий сосок, целовал в тонкую нежную шею, целовал ложбинку меж двух полушарий, целовал живот, трогал губами поросль между ног, и сосал ее крошечный розовый сосочек, последнее упоминание о том, что когда-то она тоже была мужчиной...

Ее стройные ноги как две колонны из розового мрамора только подчеркивали божественность ее создания, рождения на грешной земле... Она выросла из нее как сказка и свела меня с ума... Я с закрытыми глазами мог найти губами любое в ней место и узнать по ощущению, по вкусу, как свое родное, вышедшее из самого себя...

Капелька росы... Она же капелька семени, капелька ее чистой слезы, капелька девственной крови, капелька нашего живого очарования, капелька летящая, слетающая за одно мгновение и олицетворяющее его с тихим придыханием и стоном, тем едва слышимым, но таким громким при прикосновении к коже пульсом, колеблющим и ветры, и сны, утешающим двух младенцев единым слитным шумом...

Воистину воскрес со мною мертвый лес... И Отец... И моя мертвая возлюбленная слились для меня в единое существо, которое я мог как волшебник оживлять для себя хотя бы на мгновение... И жить с ним как прежде, когда время останавливалось как замерзшая в ледышке вода, и в этой воде, ледышке был виден свет другой, потусторонний, но отражающий нас повсюду и отовсюду как повисший над нами небесный свод, под которым и ты, и я постоим, и улетим вместе, просто растаем как дым...

Я уже написал множество книг и стихов, и всякий раз посылая их мысленно Тебе, я почему-то думал, что Ты их обязательно прочтешь, хотя другое мое «Я» мучило себя бессмысленными вопросами: прочла ли Ты, получила ли?! Везде одно ли...

Ли грустное как Осень, в которую уже одеваются все подмосковные леса... их сначала окрашивает багрянец, потом они медленно бледнеют, пустеют, и все... Смысла уже нет говорить что-то еще, принтер оборвал для Тебя остаток моих стихов, как бы заранее подтверждая мою собственную ненужность... Я не знаю, почему я Тебе пишу, когда нет смысла что-то выуживать из себя... И вообще я едва живой, я живу против смысла с тех пор, как погибла Ты, моя Люба-Любовь... Другой настоящей Любви уже не будет... А всем по фигу, но от этого не так уж сильно обидно...

Однажды я летел в самолете, потеряв Отца, и стюардесса врубила на всю мощь Пугачеву, а я молча плакал, утыкаясь лицом в облака, в их молочную сферу, в их кисельные берега, мне вдруг опять захотелось стать ребенком, чтобы мой Отец опять взял меня за руку и повел в светлый Сад Детства моего... Прощай моя Любовь! Мне ничего уже не надо!

Даже самой Жизни! Ты дала мне Все и это все забрала с собой! Я пишу Тебе письма и опускаю их в чужия почтовые ящики... Пусть их читают другие, и кто-то из их умрет, и передаст Тебе весточку от меня!

Неумолимая страсть подбрасывать людям эти письма длится уже несколько месяцев... Я едва работаю, едва что-то соображаю, гляжу как сова по ночам в экран компьютера и тихо разговариваю с Тобой...

Ты меня вроде, как и не слышишь, но кто-то внутри меня подсказывает, что, наоборот, Ты все слышишь, и поэтому я пишу Тебе и плачу... Слезы промокают уже пропитанную вечным смыслом бумагу, удесятеряя мои оставшиеся силы... Я знаю, что завтра едва буду двигать носом, глазами, ногами и языком, что буду походить на ужасную сомнанбулу, но мне хочется быть сомнанбулой, поверь, Твоя Смерть изменила все до абсолютной неузнаваемости... Все мои знакомые и друзья меня еле узнают... Они уже, верно, думают, что я сошел с ума...

Вчера ко мне вечером приходил психиатр, он так и не сказал мне, что он психиатр, но я догадался по одним только вопросам, что он врач-психиатр, который по чьей-то невидимой просьбе решил проверить мое состояние...

Ты когда-нибудь ощущала состояние человека убивающего самого себя по нелепости? Нет, ни как твой отец, сидевший в тот несчастный день за рулем, ведь он тогда не спал, он просто торопился, а я вот спал, и мне приснился сон: я иду по очень высокому-высокому бетонному забору, и настолько узкому сверху, что едва держусь на нем, хватаясь за макушки рядом растущих деревьев, и хочу спрыгнуть с него то в одну, то в другую сторону, но боюсь разбиться и умереть, и так вот хожу по нему, и хожу, а потом медленно-медленно засыпаю, и уже чувствую, что засыпаю, и что ветки уже обламываются под моей рукой, и я падаю, и мне страшно, я кричу, и просыпаюсь, просыпаюсь и вижу, что держу в руках Твою фотографию, Твое безумно красивое личико, и прижимаю ее к левой груди, и плачу, а сердце стучит так громко, а я еле-еле живой...

И вроде хочется туда к Тебе, моя милая, а что-то еще меня держит! Только живу я, как бродяга, что Бог мне пошлет, тем и живу... Вот и психиатру этому я тоже говорю, что о Тебе, мол, не думаю, а если и думаю, то как бы вскользь, невзначай, а он мне говорит, что это уже и есть болезнь, если часто об усопшей думаю... Только он, дурак, не понимает, что Ты все еще

живая, и что спрятана Ты у меня в самом сердце, и что вынимаю я Тебя, когда захочу, и брожу тогда с Тобой как и раньше по всему городу... Зайдем в какой-нибудь магазинчик. А Ты там все незаметно скушаешь или так незаметно для всех оденешься во все лучшее, во всякие дорогие меха, бриллианты, и выйдешь никем незамеченной из магазина-то, а мне смешно, ибо люди не понимают, какая Ты теперь стала свободная и недосыгаемая для всех, как ангел божий, ведущий меня за ручку...

И бродил я за Тобой во все времена, и не следил за их течением, и рад был, что опять с Тобой, но только ближе к вечеру Ты опять исчезала, а я опять бросался к компьютеру строчить Тебе письма, и казалось мне тогда, что чем больше я их Тебе напишу, и чем больше в чужие ящики брошу, тем дольше будешь Ты со мной, Краса моя, по городу бродить...

И пусть Ты мне ничего не говоришь, а только смотришь, и туманишь мои глаза своею чудною улыбкой, мне и этого достаточно, чтобы тут же пасть перед Тобой на колени и расплакаться как дитю малому и обиженному тому, что скоро Ты опять покинешь меня, и буду я тогда опять писать Тебе одной, и тихо беседовать с Твоей еле видимой тенью... Уже повис мой инструмент, и я давно как импотент... Интеллигент!

Как люди становятся циниками?! Наверное, от безумных происшествий! Ты что-то теряешь, а потом пытаешься чем угодно заменить эту пропажу! Вот и я, потерял Тебя, и пустился, дурак, во все тяжкие! И каких только сволочей я не целовал, и не уламывал, чтобы не думать о Тебе, моя крошка!

О, как мерзок был я в минуту своего грехопадения! Все глубоко интимное, живое и нежное, когда-то рожденное нами, превращалось в холодное и отвратительное поглощение себя чужим бессовестным телом, телом, у которого даже не было лица, ибо лицо было таким одинаково бесформенным, как маска с равнодушного ко всему покойника...

Мне казалось, что секс это некое лекарство от моей несчастной Любви к Тебе, когда я не могу Тебя взять или просто потрогать, то я, вроде, как могу потрогать любую, и с этой любой представить, почувствовать в ее теле Тебя... Но ни в одном из этих грешных тел Тебя не было... И плакал я, и разговаривал с Тобою, а Ты мне только грустно улыбалась... Было ощущение, что я плыву куда-то, все дальше удаляясь от Тебя...

Было ощущение совершенно ненужного усталого разврата, где все зачем-то поймали друг друга, и разошлись, как ни в чем не бывало! Вот, такая дьявольская штука, этот неоспоримо нужный и такой бессмысленно ненужный Секс!

Начну с объекта №1. Юное, но уже греховное создание.

Оно лезло целоваться ко мне в нетрезвом уме и напрочь отсутствующем рассудке. Мы познакомились на дискотеке, и там же на дискотеке напились водки.

Этому №1 нужен был я на одну ночь, как впрочем и мне этот объект был нужен совсем ненадолго, чтобы, может, найти в нем какое-то упоминание-воспоминание о Тебе...

Итак я ее раздел, она меня, потом я закрыл глаза и вошел в нее... Я попытался представить Тебя, я уже почти что-то такое почувствовал, но эта дрянь заорала таким неприятным хриплым чужим отвратительным голосом, почти мужским басом, что все тут же исчезло...

И Ты растаяла как дым...

Объект №1 получил от меня несказанное удовольствие, а вместе с ним и беременность...

И тогда он стал преследовать меня...

Везде, где можно, подстерегая меня своей коварной и хищной улыбкой, но я был неумолим...

Я любил только Тебя, и готов был вечно жить, ну, хотя бы с Твоей Тенью...

Тогда №1 обратился за помощью к каким-то дебилам, и те избili меня до полусмерти, но и после этого я остался неумолим, мое солнышко!

Объект №1 родила тогда девочку и оставила ее в роддоме, иногда я приходил туда и любовался ею с тех пор, пока какие-то сердобольные американцы не увезли ее к себе...

Я пытался вернуть себе дитя, но доказать свое отцовство так и не смог, все произошло так быстро, словно этой печальной случки никогда между нами и не было...

№1 тоже страдал и приходил ко мне, и мы вместе напивались, и сношались...

Правда, когда я уже одумался и бросил ее, и бросил-то опять-таки во имя Тебя, то пролечился, так, на всякий случай...

Все-таки с одной Твоею Тенью мне становилось все более невыносимее, да и этот психиатр, видно тоже очень много знал, он рассказал мне как много молодых шалопаев на его веку покончили с собой из-за таких как Ты, а поэтому я Тебя сразу возненавидел, и возненавидел так сильно, что почти сразу у меня нашелся объект №2.

Он был уже не так молод, т. е. она, и как говорится, прошла через все огни и воды, а мне это было на руку, так как я сам умирал и от жажды, и от Твоего огромного Огня...

Огонь Твой палил меня ночами, когда я говорил с Тобой, и даже спал... Ты жгла меня безумными Очами, а я взлетал как дым под небеса... №2 была рыжим и очень бесстыжим созданием...

Она могла совокупляться день и ночь, и еще столько же, и до тех пор, пока я от усталости не открывал глаза... Да, на какое-то время я нашел в ней Тебя, как ни странно, но эта похотливая баба-бабища могла быть такою же резвой в постели как Ты, а с закрытыми глазами я мог чувствовать Тебя...

В ее теплом лоне было также хорошо и уютно, как и с Тобой... Я знаю, что даже на том свете Ты обижаешься на меня, но я здесь живой, и мне еще дорого все человеческое, и даже животное, что мы находим в себе...

Если я не прав, то дай знать... Как?! – Очень просто!

Я привяжу веревку между двумя креслами, и если объект №б встанет ночью с кровати и споткнется впотьмах об эту веревку, и упадет, то это будет означать, что я не прав, а если объект №б не ушибется, то не права будешь Ты, моя дорогая!

Да, время летит очень быстро, эти объекты так и сменяют друг друга, быстро и незаметно, и во всех я пытаюсь найти только Тебя, моя бесценная... Вчера украсил розами твою могилку, украшал почти весь день, с утра и до вечера... Домой пришел очень поздно...

№б устроила сцену ревности, наставила мне синяков под глазами, и теперь я пишу Тебе с трудом, глаза слезятся, я их закапываю левомецитином, мажу специальной мазью, и вообще очень много из-за Тебя приходится нервничать... Вроде Тебя уже и нет, а Ты все еще здесь, и попробуй докажи обратное... Помнишь как мы сблизились с тобой в ту первую летнюю ночь, когда закончили школу...

Последний поход всем классом... у реки, в палатках, у березовой рощи с костром и гитарами... О чем поет ночная птица... А сверху звезды, луна, винишко, сигареты... И опять Ты, вся такая веселая и несерьезная... Шепот в ухо... Пошли...

И мы с Тобой тихо встали и пошли, туда, подальше в темноту и за деревья, за кусты, и еще дальше, уже не слышно голосов, мы целуемся, ложимся с Тобой на траву...

Как быстро, очертя голову я срываю с Тебя трусы...

Они влажные... Со страху обмочилась, бедная!

Ну, ничего, бывает, бывает, и потом уже не до этого, совсем не до этого, просто надо очень осторожно, ну, ты сама знаешь, шепот в ухо, только не в меня...

Ну, конечно, сейчас, вот-вот и... Что и?... Ну, все будет, как положено. – А как положено? – Это знает только Бог, Бог знает все, а потом он еще знает, что он ничего не знает. – Да, это же Сократ! – А Сократ тоже Бог, детка! – Ну, это для философов! И для дураков тоже!... Хороший ответ в нашу первую, хотя и внебрачную ночь... Господи, как стрекочут насекомые и завывают, воют комары... они нас кусают, кусают без жалости, а нам и больно, и хорошо, а поэтому мы их почти уже не чувствуем, а чувствуем только друг друга...

Потому что над нами океан звезд, а под нами теплая влажная земля, и в нас то же самое тепло и влага, и через многие годы будет все также, правда, нас уже с Тобой не будет, и вот и Тебя уже нет, а я еще есть... а тогда в ночном лесу Ты заговорила о наших с Тобой детях, и когда ты только заговорила, меня стал до костей пробирать страх, страх Твоего тела, страх Твоей беременности и очень-очень ранней свадьбы...

О, какой же я был тогда дурак! Говорил Тебе, что очень хочется быть молодым, и гулять с Тобой тоже очень хочется.

– Ну, то-то!

– Да с тобой, но безо всякого домашнего хозяйства!

– Ну, ладно!

– Да, без хозяйства, и чтобы гулять все дни и ночи напролет, а поступать будем в один институт, и обязательно выучимся на юристов, и будем друг другу ночами в постели разьяснять законы, каждую букву закона, Ты мне один, я тебе другой, и так будем всю жизнь учиться друг у друга

– Ты будешь людей сажать, а я защищать... А может наоборот?

– А может наоборот!

– А если мы вообще никуда не поступим?!

– Ну, это как сказать!... Опять волшебный поцелуй, стрекот кузнечиков в траве и тихий шелест листьев...

О, как бы я хотел лежать там в траве с Тобой, с моей юной и прекрасной волшебной невестой, и там же с Тобой умереть, чтобы никогда не потерять друг друга, даже на том свете...

О, Боже, что за грохот?! Это предмет №6 упал-таки, споткнувшись о нашу с Тобой натянутую веревку, выходит, я был не прав милая, прости!

– Ты с кем там разговариваешь? – тревожно спрашивает меня объект №6, он же моя очередная женщина, являющаяся ко мне постоянно через ночь, пока ее чрезмерно злоупотребляющий алкоголем муж сохраняет останки какого-то старенького заводика по изготовлению резиновых изделий.

– Трудно сказать, – я вытягиваюсь на кровати неммым вопросом, опущенным в холодную вечность, зная, что когда-нибудь кто-то мне все же ответит...

На многих людей в этой жизни мне было наплевать, может поэтому очень многие плевались в меня?! Впрочем, чем я был лучше их, таких же несчастных и отвратительных?!

– Ничем! Я изучал человеческий род с помощью философских трудов.

Мне казалось, что философы как самые мудрые люди смогут ответить мне на самый животрепещущий вопрос: Кто Я? И что мне кроме Тебя еще нужно?!

Но, увы, философы оказались такими же несчастными и отвратительными людьми, только более запутанными в своих наукоемких или благообразных рассуждениях. «Многознание уму не научает», – повторил я вслед за Гераклитом и решил ничего не делать, и плыть по жизненному течению, уже мало цепляясь за какой-нибудь смысл.

Правда, как-то случайно я познакомился с одним мудрым стариком, который подсоединил мой компьютер к интернету, и который, отметив пустоту моего отрешенного взгляда, сказал: «Как мудрая пчела собирает с цветов свой мед, так и ты чрез интернет приобретай врачевание твоей никчемной души.

Ищи всех, кто тебе только нужен, и все к тебе явятся, если в ненатуральную величину, то в телескопическую».

Слова этого старика глубоко запали в меня, и я вдруг почувствовал, что имею возможность найти тебя через интернет и воссоздать Твой прежний Образ.

С этой целью я стал посещать сайты по брачным и всем прочим знакомствам. Я искал прежде всего Твое Лицо.

Я понимал, что идеального сходства найти почти невозможно, но это самое почти согрело мою душу, указывая мне на возможность всего невозможного.

Прошло три года, прежде чем я смог найти в интернете Твой идеальный облик, Тобою оказалась австралийка английского происхождения с интересным именем «Люка». Уже совпадение двух первых букв Твоего имени с ее указывали мне на некую мистическую связь между вами, не говоря уже о вашем облике.

Конечно, за эти годы я чрезвычайно постарел и мне уже было гораздо сложнее рассчитывать на какую бы то ни было взаимность со стороны Люки, но уже само общение внушало мне серьезную надежду на наше с Тобой грядущее.

В душе я уже полностью индетифицировал Ваши с ней Образы, слил их воедино, и для меня Она была Ты, а Ты – Она.

Может поэтому я послал Люке письмо со своей старой фотографией десятилетней давности, на которой я скакал верхом на кобыле по глухой деревушке, где мы с тобой были в колхозе, от института, где вместе учились.

Ты, наверное, помнишь деревню Дорофеево, где все жители за исключением одного приезжего зоотехника носили фамилию Дорофеевы, и у каждой избы красиво возвышался колодец с журавлем.

Каждое утро красномордый, и с тяжелым от похмелья взглядом, шофер возил нас на грузовике с высокими бортами на поля, где мы по колено в грязи вместе со всеми убирали картошку, зато по вечерам недалеко от деревенского кладбища и ветхой церквушки мы жгли костер и рвали струны старой гитары.

Сколько песен было тогда перепето нами, сколько поцелуев и жарких объятий подарила нам ночь в теплом стогу у овина! И сколько дождей и гроз пронеслось после всего этого!

По какой-то странной и безумной случайности я отправил Люке свое фото вместе с письмом к Тебе, и получилось так, что я к ней живой обращаюсь как к Тебе, уже несуществующей в этом мире, но все же живущей в моем сердце.

Думаю, теперь она мне ни за что не ответит, а так хотелось бы, ведь Вы как две капли воды похожи друг на друга.

Наверное, мне надо все объяснить Люке, и быть может, она тогда поймет в чем дело, и простит. Правда, пока я раздумывал какое мне написать ей письмо, я уже получил от нее ответ. Люка вообразила себе, что я поэт, и поэтому мое письмо посчитала плодом фантазии и полетом творческого воображения.

Ей понравилось мое письмо, и теперь она жаждет встречи со мною. О, Боже, как же она разочаруется, когда увидит меня таким старым и безобразным. В уголках глаз и на лбу морщины, волосы все седые, крупные складки жира на всем теле. О, Боже, и ради чего я все это только затеял?! – Ради Тебя, родная! Только ради Тебя! Ты не веришь?!

Ну, что же, но я все же хочу убедиться, что в жизни возможно любое чудо, и что даже наша любовь может возродиться из пепла, объединив Твою Душу с Моей в Ее Душе.

Я понимаю, что выражаюсь очень сложно, витиевато, что мое понимание этого странного шага вряд ли что-нибудь Тебе объяснит, но у всех у нас есть своя Тайна, которую мы слышим и чувствуем, и пусть каждый по-своему, но в ней есть нечто большее чем наша земная жизнь, в этой Тайне, если хочешь понять, спрятана сама Вселенная, ее огненная сердцевина, питающая своим теплом все темное и вечное, лежащее в снах...

Люка еще ребенок, ей нравится рассуждать о мировых проблемах, что наверняка было ею приобретено от какого-то любимого ею учителя или преподавателя. Например, ее очень волнует проблема глобального потепления. От кого-то она слышала или читала, что их Австралия должна уйти полностью под воду, как и Африка, а вот Россия, и вообще большей частью Евразия должна остаться на плаву. Странно, что ее это так волнует, ведь этого же еще нет, ну,

а если и будет, то уж точно после нас. А после нас, как говорили древние, хоть потоп, хоть трава не расти!

Когда я написал об этом Люке, она обиделась. Бедняжка, она сама не знает, во что окунуться! Сразу видно, что ее еще не трогало пламя Любви, и хотя моя фотка ей очень понравилась, это еще ни о чем не говорит, к тому же она не видела меня в моем нынешнем возрасте.

И все равно, Ты постоянно приходишь ко мне по ночам и разговариваешь со мной. Тебе по душе мое желание слиться с Люкой, и найти в ней Твой пламенный образ.

Ты поддерживаешь меня, я это чувствую и знаю, но я Тебе скажу больше, мертвая, неживая, потусторонняя, ты стала намного мудрей. Твои слова как мед из сот, они проистекают из воздуха, сразу же глубоко зарываясь в меня.

Вчера я ходил к гадалке, мне было интересно, сбудутся ли мои желания – твои предсказания, какими ты заполнила мои сны. Гадалка сказала: сбудутся! И еще она слово в слово повторила Тебя, – «Любовь из мертвой вернется обратно в живую! Просто чудо, что она смогла Тебя повторить. Иногда у меня складывается впечатление, что Ты вмешиваешься в мою земную жизнь, чтобы насытить меня счастьем. Зачем, зачем Ты это делаешь?! Я боюсь Тебя, пусть и люблю, но боюсь, боюсь что Ты сможешь убить Люку и стать ею.

Мне жалко невинное дитя. Пожалей ее и Ты!

Пусть Вы похожи, но Вы не одно и То же! Я люблю Тебя, но я также знаю, что Тебя уже не вернуть! Зачем же я тянусь к Люке, Ты сама знаешь, я исполняю Твою волю, Ты меня приручила, будучи еще живой, и теперь я никак не отвяжусь от Тебя, мертвой! Такое чувство, что Ты все знаешь, и всеми управляешь! Особенно мной.

Мои мысли о Тебе запутывают меня, и я уже не знаю, как мне из Тебя выбраться, и стоит ли выбираться?! Почему в последнее время я неожиданно стал бояться Тебя?!

Наверное, потому что Ты можешь по ночам выходить из меня и беседовать со мной как живая. Причем, Ты настолько реальная, что никакие законы физики и всемирного тяготения не докажут мне, что Ты всего лишь галлюцинация. Галлюцинации не могут предсказывать нам нашего будущего, галлюцинации не могут спасти нас от гибели.

Как сейчас помню, 2 декабря прошлого года, когда Ты отсоветовала мне ехать в командировку, и вот я, по Твоему совету заболел, а мой товарищ по работе, полетевший этим рейсом на самолете, разбился.

Выходит, Ты меня спасла! Но почему тогда Ты не спасла других?! И тот старик-компьютерщик, ведь это тоже был Твой посланец!

Это от Тебя он принес мне весть о Твоем подобии и желание найти Твое подобие во что бы то ни стало, разве не так?!

Люка открыла мне нового философа – Тейяра де Шардена.

Оказывается, этот человек сумел воссоединить науку, мистику и религию.

Его мистические воззрения гармонично переплетаются с трезвым научным анализом. Думаю, если бы он был жив, то смог бы мне объяснить Твое существование во мне.

Если по Тейяру существует единая эволюция космоса, приводящая к появлению человека, цивилизации и всей мировой истории, и божественная воля присутствует и процветает во всем, то и в моей жизни Ты неразрывно связана со мной божественной волей.

Сведение нас с Тобой в некий единый синтез, указывает на необходимость Любви и ее мистической связи, и по смерти возлюбленной, и между живым и мертвым эта связь существует как само Евангелие. Люка пишет мне, что томистская традиция исходит из существования трех «ступеней» умозрительного знания.

На первой располагаются естествознание и философия природы, на второй – математика, а на высшей, третьей, – мистика и теология, представляющие собою связь науки и мудрости, охватывающие собой высшие цели нашего Бытия.

Тейяр смог обозначить эволюцию космоса как проявление божественной мудрости в самом сакральном значении этого слова.

Как религиозный человек, и философ, он ощущал некое несоответствие между незыблемыми религиозными принципами универсума и проблемами эволюции Вселенной, но это несоответствие является лишь выражением той самой преграды перед открытием вечной Тайны. «Великим открытием натуралистов со времен Бюффона, – писал Тейяр де Шарден, – было то, что жизнь, и земля обладают возрастом. С тех самых пор универсум перестал составлять массу и тип инвариантного...

Появилось прошлое вещей, так же как и их подлинное будущее перед лицом человечества». История по Тейяру рождается в эволюции природных процессов, но сама природа глубоко мистична, и ее нельзя объяснить просто с помощью того же натуралистического историзма.

Я знаю, что Ты мне хочешь сказать. По Твоему размышлению я пытаюсь отрешиться от страхов, которыми ты опутала меня, с помощью философии, которая неожиданно нашлась в письмах Твоего живого подобия!

Ты хочешь понять, что со мною происходит, но, однако не пытаешься сгладить те глубокие разногласия, какие царят между мертвыми и живыми!

Допустим, что Ты установила вокруг меня, как вокруг своего мистического центра, какой-то свой невидимый иррациональный порядок, связывающий наше прошлое и настоящее в некую сублимацию будущего.

Но сможешь ли Ты, находясь по другую сторону мировой и божественной воли, открыть во мне эмпирический закон рекуррентности, выражающий последовательное возникновения Тебя во мне в течении всей моей жизни?!

И сможешь ли Ты, преодолев универсальную картину земного Бытия, воплотиться в свое живое подобие, в ту самую Люку, которой я, словно по Твоей указке, пишу сейчас очередное письмо, и опять вкладываю свою давнишнюю фотографию, вернее ее точную копию, только слегка отрезав от себя Твою милую и доверчивую улыбку?!

Девочка моя, что мы делаем с Тобой?! Разве мы сможем понять самих себя как порождение наивысшего божественного начала нашего универсума?! Своим ночным возникновением Ты постоянно порождаешь эффект огня, транс ослепления, побуждая меня порою притрагиваться к Твоему несуществующему телу моими живыми пылкими руками, губами, всем существом.

Опять вспоминаю, как жадно целовал Тебя, юную под дождем на поле в стогу, и как потом под яркими звездами входил в волшебство твоей божественной плоти...

Это Тейяр сказал, что всякая энергия имеет психическую природу, правда вся фундаментальная энергия, по его мнению делится на тангенциальную энергию, связывающую элементы, то есть нас между собой, и радиальную, т. е. влекущую нас в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния.

Так, если ему верить, наука сливается с теологией, земное с божественным, а я живой, с Тобой, мертвой, и именно поэтому сейчас вся Вселенная, весь наш универсум находится в состоянии пространственного расширения, с возрастающей концентрацией психического, усложняющегося и все более запутывающегося в себе потока радиальной энергии...

Тейяр смог преодолеть и архаичные догматы томистской онтологии, и марксистское учение о формах движения материи, он также смог дать концептуально-верное объяснение диалектическому самодвижению материи, находящейся в усложнении ее природы, как и усложнению самой божественной воли...

Чувствую, как Ты меня ненавидишь, особенно это мое увязание в философии с мистикой Тейяра де Шардена, но что я могу совершить в ответ на Твое возникновение Тебя в себе, я, естественная крупинка живого, несчастная половинка человечества?!

Вся наша жизнь есть борьба с безысходностью... В чем сходство меня – живого и Тебя – мертвой, не иначе как в обделенности, я обделен жизнью, как и Ты, только в отличии от Тебя я сам осознанно отрезаю себя от всех...

Я помешан на мысли вернуть Тебя! Возможно, я влюблен не в Тебя, а в свое представление о Тебе, и даже не в представление, а в прошлое, связывающее нас до сих пор...

Вчера я расстался с объектом №6, я понял, что у меня есть Ты в образе найденной нами Люки... Люка еще не знает, что носит в своем облике Тебя, да и зачем ей это знать, пусть она будет такой-какой есть, естественной и наивной, Ты тоже была такой, пока Тебя здесь не стало...

Я знаю, что смогу преодолеть языковой барьер, с английским я всегда был в ладах, май дарлинг! Пугает меня другое, разница в возрасте.

Неужели я стал так безобразен, что вызову у нее отвращение к себе?!

Очень скоро Люка придет в Россию, чтобы встретиться со мной, родители ее не отпускают, но она уже совершеннолетняя, и у нее есть деньги, которые ей дала бабушка, которая много лет назад была влюблена в русского, и может поэтому на уровне своего подсознания она хочет соединить свою внучку с русским... семенем...

Правда, я только отчасти русский, отчасти еврей, отчасти поляк, впрочем, кого это волнует?!

Как заметил профессор Вернадский, как бы кто не противился этому, кто бы как не жалел об этом, но вселенная рано или поздно все-равно перемешается между собой!

Вот если бы еще сбылось предсказание нашего великого русского философа – Николая Федоровича Федорова, и мы научились воскрешать мертвых, возвращать их себе из другого мира, по маленьким крупицам, даже по их мыслям, заключенным в нашу память!

Ты опять нервничаешь? – Глупо нервничать по пустякам! Как я заметил? – Стекла стали подрагивать в оконных рамах от рассерженного ветра, вылетающего из Твоих невидимых губ, а из крана на кухне стали покапывать Твои слезы.

Сейчас Ты – сама Меланхолия! Вокруг меня кромешный мрак. Экран компьютера мерцает. Твой поцелуй лег на губах. Ты существуешь как живая! Кровь полыхает на лице. Защиты нет и дрожь легка.

Я в заколдованном кольце. И Ты во мне, как Смерть сладка! Ко мне опять приходил психиатр.

Этот сукин сын почему-то уверен, что я страдаю шизофренией. Просто в прошлый раз я случайно проболтался ему, что часто слышу в себе Твой голос, и теперь эта гадина пытается раскрыть во мне природу нашего с Тобой безумия, чтобы я провел остаток, быть может, самых лучших своих дней в клинике для душевнобольных.

Пал Палыч, так величают этого чертова специалиста, говорит, что раз я до начала болезни считался относительно нормальным человеком, то очень велик шанс на благополучный исход моего заболевания.

Представляешь, эта скотина нарекла Тебя болезнью, и никакой-нибудь, а шизофренией.

Пал Палыч уверяет меня, что мне в клинике будет намного лучше, поскольку там гораздо легче прогнозировать и оценивать мое состояние.

Однако, без моего личного согласия, меня, мол, никто туда не затащит, а поэтому он предлагает оформить от меня личное заявление о необходимости моей госпитализации! Представляешь, какие есть идиоты! И ничего удивительно, если большую часть своей жизни они проводят среди психов!

Тут уж поневоле волком завоешь!

Затем Пал Палыч предложил мне попринимать какие-то таблетки и оставил сразу три пачки, но я после его ухода сразу же спустил их в унитаз. Правда, кое-что, что он говорил,

я все же запомнил. Пал Палыч, например, заметил, что известный психиатр Курт Шнайдер определил массу симптомов при шизофрении, назвав их «симптомами первого ранга».

Пал Палыч перечислил множество этих симптомов, но мне почему-то врезались в память только «слуховые галлюцинации, при которых «голоса» проговаривают мысли больного вслух, слуховые галлюцинации, при которых «голоса» комментируют действия пациента и тактильные галлюцинации, когда пациент ощущает прикосновение чего-то постороннего, а также «изымание» мыслей из головы больного».

И так получается, что все мои действия осуществляются под Твоим контролем, автоматически, т. е. симптомы Шнайдера совпадают с моими ощущениями. Когда я все это услышал, мне стало немного не по себе.

В конце концов, можно любому нормальному человеку приписать шизофрению, что, впрочем, и делалось при тоталитарном режиме.

А потом, даже если и ощущать Твой голос, твои мысли и чувства как бред, придающий моей земной жизни какой-то особый, «скрытый» смысл, то зачем тогда вообще жить?! Разве не так, Люба?!

Разве Твой голос это бред моего больного разума, а сам я параноидальный шизофреник?! Так бы и хватил этого Пал Палыча чем-нибудь тяжелым по башке! Но не могу, увы! А то он тогда точно приложит все свои силы, чтоб запрятать меня в психушку! А так, я с Тобой, родная!

Поскорее бы приезжала Люка, тогда может мы вместе бы уехали с ней в Австралию, а там бы Ты снова появилась из Люки, вошла бы ее нежным телом в мою плоть и кровь, и все бы вернулось на круги своя!

Последняя моя неделя прошла как-то странно!

В понедельник я нарушил правила движения и вдребезги разбил свой «седан» «Ситроен» о фонарный столб, хорошо еще не задавил выбежавшую на дорогу старушку, да и подушка безопасности сберегла мою никчемную жизнь.

В этот же день я сильно напился и нашел себе объект №7 в привокзальном ресторане, который находился совсем неподалеку от места происшествия. По телефону в полицию, я успел сообщить, что у меня только что угнали машину, а поскольку меня никто не видел, то все было в ажуре.

Объект №7 являла собою очень импульсивную и непредсказуемую женщину, а, судя по ее изрядно испорченной внешности, она была очень неразборчива в половых связях. Однако мне так захотелось напиться, и провалиться в любую бездну, и так раствориться в любом живом лице, что я тут же откушав с ней два литра водки, пригласил ее к себе домой, но дома я неожиданно расплакался, вспомнив Тебя, и стал выгонять №7.

Она руками схватилась за бронзовую ручку входной двери, и мне с большим трудом удалось оторвать ее руку от ручки и выбросить ее порочное тело на лестничную площадку.

Затем я провалился в глубокий сон, а под утро, проснувшись, обнаружил №7 спокойно храпящей возле моей кровати.

Во сне она крепко обняла ножку кровати, будто для нее она представляла какую-то безумную ценность, а потом Твой голос мне велел раздеть эту женщину и обмыть ее в ванной в горячей воде как ребенка с моим любимым «Бабушкиным» шампунем из пшеницы с овсом.

Даже спросонья №7 жестоко сопротивлялась, но Твоя воля заключенная в моих руках, в моих пальцах и во всех нервных окончаниях была непреклонной.

Опустив ее в ванну и набрав горячей воды, я, как заведенная в холодной реальности кукла, с тупым равнодушием тер мочалкой с шампунем ее уродливое порочное тело, и думал о том, что Твоя воля, Твое желание иногда бывает просто непредсказуемым, как впрочем, и сама моя жизнь, в которой мне почему-то все время достаются самые ужасные роли.

Насухо вытерев №7 и обернув ее своим байковым халатом, я усадил ее за стол и насильно, так как она не хотела и сопротивлялась, поил ее чаем, хотя она просила водки. Также против

ее воли я пихал ей в рот хлеб с маслом и земляничным вареньем. После завтрака я привязал ее веревкой к кровати, как повелела Ты.

Я понял, наконец, Твою блаженную мысль, Ты с моей помощью решила излечить эту женщину от алкоголизма, и на протяжении многих дней отрезвить ее разум, рассудок настолько, чтобы она смогла наконец почувствовать в себе, как и в своей никчемной жизни хоть какую-то великую цель.

Первое время №7 кричала до хрипоты, а я заглушал ее крики музыкой Вивальди, которую крутил на ноутбуке, дабы не только заглушить №7, но заполнить ее душу прекрасной гармонией, какой разливалась мелодия Вивальди.

Для усиления звука, пришлось подключить мощные бэквские колонки, отчего вся комната дрожала и вибрировала словно во время землетрясения.

Через некоторое время я догадался заковать №7 в самодельные наручники и привязать на замок цепью к батарее.

Поскольку ее речь большей частью носила бессмысленный и бессвязный характер, то я приучил ее каждый день по слогам повторять Твое имя, таким образом я приобщил №7 к Твоему Культуре.

В центре комнаты, где жила, ела и испражнялась в горшок №7 я соорудил из кресла алтарь, сначала покрыв его белой простыней и водрузив на сиденье Твой портрет, который я писал ночью по памяти цветными фломастерами.

Теперь №7 должна была поклоняться Твоему облику, пусть немного и измененному мной, что она исправно делала каждый божий день, не забывая по моей указке зажигать стоящие по окружности поминальные свечи, бенгальские огоньки и курительные ароматные палочки.

Так вот постепенно я понял, что Ты от меня хотела, Ты хотела, чтоб я никогда Тебя не забывал и поклонялся Тебе всю свою жизнь, все равно моя жизнь была без Тебя дерьмовым соотношением прозы к сухой действительности, которую я лишь изредка поливал своей грустной влагой или животными слезами и всхлипами №7, из задницы которой я все-таки сумел высечь кожаным ремнем искры, чтобы прочувствовать собственную скорбь по Тебе с помощью этого чужого почти обезчеловеченного создания.

Это Твой голос, милая, в №7, звал меня в свой-мой портрет, и я исчезал в нем от всех мирских соблазнов, я рыдал вместе с №7, овладевая ей исключительно, чтобы вспомнить Твое волшебное лоно.

Лонно №7 было более широкое и влажное чем у Тебя, но оно наполняло меня иногда такой немислимой гордостью за одно лишь то, что я сумел с ее помощью, а главным образом с помощью Твоего голоса, звучащего – орущего в ней и совсем немного говорящего во мне, превратить свою жизнь в чудовищный фарс, ибо всего через месяц я обрюхатил таки №7, и решил если будет девочка, назвать ее Твоим Именем, и поклоняться уже не твоему мертвому и холодному портрету, а Твоему живому подобию, ибо все вы женщины – суки, и поэтому так все очень схожи между собой!

А еще через 8 месяцев родилась Ты, т. е. Твое живое подобие! Как я плакал, ползая на коленях перед Твоими крошечным созданием, хваля Бога за то, что он вернул мне Тебя в ней, в жалкой особи порочной нашей связи с безумно-отрешенной и лишенной воли №7.

Вскоре мне уже не понадобилось держать №7 на цепи, ибо ее любовь к Тебе, мое драгоценное создание, была такой безумной, что она уже машинально глотала пищу в свой рот, и все чаще подставляя сосок своей громадной груди Тебе, Мое Божество!

Боясь отойти от Твоей кровати, она мочилась, как и Ты, мое волшебное дитя, только Ты это делало по своему неразумению, от страха перед совокуплением, а №7 исключительно по своему безумству.

Кажется, она боялась, что кто-то украдет Тебя у нее, и тогда она, №7 опять будет шататься по привокзальным ресторанам, но сейчас ей этого уже не хотелось, сейчас она была другой, неожиданно прекрасной и загадочной, как всякая кормящая мамаша. . .

Постепенно я обрел Тебя в ней, т. е. в них, в моих святых – в Матери и в Ее прекрасном Ребенке, и мир снизошел на мою бедную Душу, и понял я, что все здесь происходит от Великой Любви и не менее Светлой Печали, и теперь просил Бога об одном, чтобы он нас всех свел в одном Едином Царстве, и чтоб мы все вместе, объединенные Теплом Его Живой Любви и Светом искренней Печали, осуществили все мечты свои и бесконечно их осуществляли!

Магическая женщина

Мне никогда не нравилось сливаться с интерьерами темных комнат или ночных пейзажей, украдкой идти на цыпочках по незнакомым местам и хватать чужие вещи, присваивая их в тот же миг, не испытывая при этом никакого страха или стыда...

И если иногда я страшно нервничал, дрожа как суслик, под наркозом, и весь покрывался холодной испариной, то лишь на какую-то секунду, потому что рядом со мною была она, женщина, которая одним движением своих магических глаз околдовывала меня и делала ручным, послушным зверьком...

– Складывай, – сказала она и протянула мне сумку...

Дотронувшись до нее, я опять перестал верить существующей реальности... Вещи, как ненужный дурман, обволакивали меня, но она звала...

Ее обворожительный голос был слышен за тысячу верст...

Она просто наслаждалась своей властью надо мной, как и над теми же беззащитными вещами, которые мы с ней крали...

В это время я сходил с ума и овладевал ею здесь же, в незнакомом здании, словно похищенной мной вещью...

Она ощущала почти то же самое, вода своим нежным языком по моим дрожащим векам... Блаженная усталость не знала стыда под тонкими пальцами двух воров-любовников... Так продолжалась целая Вечность...

В самое темное время полуночи чувствуешь себя здесь заживо схваченным и проглоченным... Ее дыра, словно бездна, с пугающим всхлипом возвещала мой собственный конец... Молодой, красивый наездник на скачущей лошади в лунных изгибах волос на ее лобке, завоеванный солнцем...

Краденое лежало сзади в пыли... Кругом следы отпечатков и тайного страха... Стыда за себя, без которого нет и тебя...

Потом мы едва оторвались друг от друга и очнулись... Внизу выла сирена... Несколько милицейских машин стояло перед входом в здание...

Кучка невидимого народа, совещаюсь о нашей поимке...

Вещи сразу же стали не нужным хламом, как и все остальное...

Она еще пыталась бежать по коридору с двумя сумками, но я ее остановил, я как механические часы, заведенные собственным боем, сумел уже заранее создать картину нашего побега...

– С той стороны пожарная лестница и овраг, – крикнул я и, схватив ее за руку, точно выверенным шагом побежал направо по коридору...

Внизу уже гремела чья-то обувь по лестницам и раздавались тревожные крики... Окно не открывалось, пришлось стекло разбивать ногой...

Свежий ветер растрепал наши волосы...

Я первый повис на пожарной лестнице, протягивая ей руку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.